

Научная статья
УДК 94(571)
DOI 10.18101/2305-753X-2026-2-5-10

АДАПТАЦИЯ ГОЛЕНДРОВ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

© **Прокопьева Анна Владимировна**

кандидат экономических наук, доцент кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин,
anna1900000@mail.ru

© **Шацкая Екатерина Александровна**

кандидат социологических наук, доцент кафедры философии
и социально-гуманитарных дисциплин
katerina_shat@mail.ru

Восточно-Сибирский институт МВД России
Россия, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110

Аннотация. В статье рассматриваются процессы адаптации этноконфессиональной группы голендров в сибирской деревне начала XX в. на материале Иркутской губернии. На основе архивных документов, устных воспоминаний переселенцев и материалов полевых исследований реконструируются стратегии хозяйственного, культурного и социального освоения нового пространства в период 1911–1915 гг. Анализируются механизмы сохранения этнической идентичности в условиях иноязычного окружения, определяющая роль семейных традиций и религиозных практик в поддержании групповой солидарности. Особое внимание уделяется взаимодействию голендров с местным населением, влиянию столыпинской миграционной политики на повседневные практики переселенцев в поселениях Пихтинский и Дагник. Исследование демонстрирует, как адаптационные стратегии формировали уникальную модель сосуществования, сочетающую избирательную ассимиляцию и культурную автономию. Результаты вносят вклад в изучение миграционных процессов, этнической истории Сибири и проблем сохранения культурного наследия малых этнических групп.

Ключевые слова: голендры, сибирская деревня, адаптация переселенцев, этническая идентичность, Иркутская губерния, столыпинская миграция, повседневные практики, культурная автономия, устная история, культурное наследие.

Для цитирования

Прокопьева А. В., Шацкая Е. А. Адаптация голендров в сибирской деревне // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2026. Вып. 2. С. 5–10.

Миграция в Сибирь накануне Первой мировой войны давно перестала быть просто статистическим фоном. Речь идет о людях, которые везли с собой не

только сундуки и семена, но и уклад, не всегда вписывавшийся в имперские стандарты. Столыпинская реформа действительно открыла шлюзы, но то, что происходило за ними, редко укладывалось в сухие отчеты Переселенческого управления. Особенно это заметно на примере малых групп. Голендры, осевшие в Предбайкалье между 1911 и 1915 годами, — случай показательно нетипичный. Их было немного. Компактные поселения быстро оказались в языковом и культурном окружении, отличном от бужской прародины. Тем не менее группа не растворилась. Сохранились ритуалы. Остался особый бытовой уклад. Именно этот механизм удержания идентичности в условиях переселенческого стресса и становится предметом разбора.

Задача статьи предельно конкретна: восстановить, как именно голендры встраивались в жизнь иркутской деревни. Не на уровне общих фраз про «адаптацию», а через хозяйственные практики, брачные стратегии и повседневные компромиссы. Хронологические рамки ограничены первыми волнами переселения (1911–1915 гг.), когда закладывался фундамент общинной жизни. Актуальность здесь продиктована не столько академическим интересом, сколько срочностью фиксации. Материальные следы исчезают. Устные предания обрываются. Задokumentировать этот пласт — значит сохранить фрагмент сибирской этноистории, который иначе останется лишь в архивных отчетах.

Материалом послужил не один источник, а несколько пластов, зачастую противоречивых. Архивные дела Переселенческого управления дают цифры и даты. Полевые дневники, собранные в Пихтинском и Дагнике в последние годы, фиксируют иное: интонации, семейные истории, бытовые детали. Устная история здесь работает не как дополнение, а как основной инструмент. Без нее невозможно понять, как передавались нормы. В частности, в записях 2020-х гг. регулярно всплывает тема брачного контроля. Из воспоминаний современных голендров, в трудовой армии парни знакомились с девушками и привозили их домой. Однако матери были против такого выбора, молодые люди должны были жениться на «своих». В некоторых семьях мамы «невест с чужих мест» провожали обратно на родину, а сыновья шли свататься к деревенским девушкам [7, с. 100]. Цитата сухая, но за ней стоит четкий социальный механизм: семья выступала фильтром. Ассимиляция наталкивалась на бытовой барьер.

Теоретический анализ опирается на модель селективной аккультурации. Термин не новый, но в случае голендров он работает особенно наглядно. Группа не отгораживалась стеной, но и не растворялась. Заимствовалось только необходимое: инструменты, агротехника, языковые формулы для общения с соседями. Ядро оставалось нетронутым. Такой подход снимает привычную оппозицию «сохранение/ассимиляция», которая в полевых условиях просто не встречается [8, с. 42–45].

Переселенческий поток в Иркутскую губернию шел волнами. В 1911–1915 гг. на участки прибыло 36 семей. Названия новых деревень звучали непривычно для сибирского слуха: Замустэче, Новына, Дахны. Чиновники, разумеется, не оста-

вили их без внимания. Карты переписывали. Появились Пихтинский, Среднепихтинский, Дагник. Бюрократия не терпела экзотики [5]. К августу 1912 г. только на Пихтинском участке жило уже около двухсот человек [1]. Цифра говорит сама за себя: темп заселения был высоким, а выживаемость выше ожидаемой.

Климат, конечно, не брал в расчет переселенческие планы. Зимы стояли суровые, лето короткое. Почвы отличались от привычных. Голендрам пришлось менять все: севообороты, сроки посева, конструкции печей. Опыта Речи Посполитой или Бужской долины хватило лишь на общее понимание земледелия. Остальное нарабатывалось методом проб. Коллективный труд спасал ситуацию. Рубили избы вместе. Делили инвентарь. Ссужали зерно. Государственная поддержка тоже сыграла роль: наделы, налоговые каникулы, подвоз материалов. Но хозяйство — это не только экономика. Внутреннее пространство дома обустроивалось по своим правилам [4]: расстановка утвари, организация красного угла, пищевые запреты и предпочтения. Все это формировало замкнутый бытовой контур. Внешне дом мог ничем не отличаться от соседских. Внутри жили иначе.

Идентичность держалась на книгах и календаре. В каждой избе хранились «ксенжки» — издания XIX в., текст польский, шрифт готический [6]. Библия. Молитвенники. Проповеди Самуила Домбровского. Читать умели. Молитвы произносили по старым текстам. А вот праздники отмечали иначе, Рождество, Пасха. Даты совпадали с православным календарем. Синкретизм? Скорее вынужденный прагматизм. Жить в одном ритме с соседями было проще, чем объяснять каждый раз, почему твоя елка ставится на другую неделю. Внутренняя духовная традиция от этого не ломалась. Она просто адаптировалась к внешнему окружению.

Язык работал по тому же принципу. Дома говорили на смешанном польско-немецком наречии. На улице переходили на русский. Детей учили читать по «ксенжкам», устные истории передавались из уст в уста. Формальной школы не было. Женская линия брала на себя основную нагрузку. Матери следили за обрядами. Выбирали невест. Сохраняли рецепты. Эндогамия, о которой говорят устные источники, была не просто традицией, а страховкой. Смешанные браки на первых порах исключались. Это тормозило размывание языка и обрядов. Лишь когда экономика окрепла, а страх выжить ушел, брачные границы начали мягко расширяться. Третье поколение уже смотрело на мир иначе.

Контакты с соседями были неизбежны, но не всегда прозрачны. Голендры держались обособленно, но не изолированно. Торговали. Участвовали в сходах. Брели в аренду технику. В этих бытовых пересечениях и рождалась новая идентичность. Внешняя маркировка часто не совпадала с внутренней. Жители Пихтинска до сих пор спорят, почему группа стала «немцами». По мнению одних, переселенцы плохо говорили по-русски и не могли толком объяснить, кто они такие. Другие же считают, что их отцы и деды и сами не знали, как себя определить, а к немцам в то время отношение было хорошее, вот они и согласи-

лись, чтобы их так записали [2, с. 59]. Принять ярлык было проще, чем ломать голову над этнографическими тонкостями. Административная система требовала графы. Переселенцы давали удобный ответ.

Внутреннее самосознание от этого не менялось. Домашний уклад оставался прежним. Язык, ритуалы, семейные нормы функционировали в границах домохозяйства. Советский период, конечно, внес коррективы. Язык вытеснялся. Школа стандартизировала мышление [3]. Но архетипы хозяйствования, отношение к земле, память о предках не исчезли. Они трансформировались в локальные маркеры. Адаптация голендров не была прямой линией. Это скорее сеть обходных путей, компромиссов и скрытых сохранений. Внешне группа вписывалась в сибирскую деревню. Внутри сохраняла собственный ритм.

Адаптация в иркутской деревне начала века не сводилась к экономическому выживанию. Она требовала гибкости. Голендры освоили землю. Выстроили быт. Но главное — научились существовать в двойном коде. Коллективное землепользование помогало пережить первые годы [9]. Эндогамия удерживала язык. Календарный синкретизм снимал бытовое трение с соседями. А готовность принять внешнее обозначение «немцы» демонстрировала не слабость идентичности, а административную хитрость. Внутреннее ядро при этом не тронули.

Межпоколенческая передача работала через книги, устные рассказы и женские практики. Именно эта неформальная сеть сохранила группу, когда демография и политика давили на нее со всех сторон [10]. Теория миграционной адаптации часто ищет универсальные модели. Случай голендров показывает, что универсальность здесь не работает. Каждый малый поток вырабатывает свои правила выживания.

Дальнейшие исследования потребуют сравнения с другими переселенческими анклавами Предбайкалья. Цифровые методы могли бы помочь в расшифровке генеалогических связей. Но пока важнее другое: зафиксировать то, что еще можно зафиксировать. Материальные объекты. Устные нарративы. Локальную память. Иначе история голендров останется лишь сноской в отчетах Переселенческого управления.

Литература

1. Соловьева О. Бужские голендры // Отечественные записки. 2005. № 6(27). URL: <https://www.strana-oz.ru/2005/6/buzhskie-golendry> (дата обращения: 11.05.2026).
2. Галеткина Н. Г. Бужские голлендры: в поисках идентичности // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/buzhskie-gollendry-v-poiskah-identichnosti> (дата обращения: 11.05.2026).
3. Зорин А. Н. Этноконфессиональные группы в Сибири: история и современность. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 248 с.
4. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 312 с.

5. Неутомимая голендра: как живут потомки голландских переселенцев в Сибири // Такие дела. 2024. URL: <https://takiedela.ru/2024/07/neutomimaya-golendra> (дата обращения: 11.05.2026).
6. Пихтинские голендры: тайна самого загадочного народа Сибири // Русская семёрка / главный редактор В. Д. Ходаревич. URL: <https://russian7.ru/post/pikhtinskie-golendry-tayna-samogo-zag> (дата обращения: 11.05.2026).
7. Прокопьева А. В. «Привыкание к сибирской жизни»: исторический опыт адаптации крестьян-переселенцев в Иркутской губернии и его современное наследие // Известия лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21, № 3. С. 97–107.
8. Тихонов В. В. Перспективы сохранения этнокультурного наследия этнической группы голендров в Предбайкалье // Омский научный вестник. 2014. № 4(132). С. 42–45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-sohraneniya-etnokulturnogo-naslediya-etnicheskoj-gruppy-golendrov-v-predbaykalie> (дата обращения: 11.05.2026).
9. Фурсова Е. Ф. Южнорусские переселенцы Сибири: этнокультурная специфика адаптации // Вестник РФФИ. 2017. № 2. С. 112–125.
10. Шиловский М. В. Миграционные процессы в Сибири в период столыпинских реформ (1906–1914 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 78–83.

Статья поступила в редакцию 13.05.2026; одобрена после рецензирования 27.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

ADAPTATION OF THE HOLLANDRY (GOLENDRY) IN A SIBERIAN VILLAGE

Anna V. Prokopyeva

Cand. Sci. (Econ.), A/Prof.

Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities

anna1900000@mail.ru

Ekaterina A. Shatskaya

Cand. Sci. (Sociol.), A/Prof.

Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities

katerina_shat@mail.ru

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

110 Lermontova St., 664074 Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines the adaptation processes of the Hollandry (Golendry), an ethno-confessional group, in a Siberian village of the early 20th century, based on the materials from the Irkutsk Governorate. Drawing upon archival documents, verbal memoirs of migrants, and field research materials, the study reconstructs the strategies of economic, cultural, and social development of the new space during the period of 1911–1915. It analyzes the mechanisms for preserving ethnic identity in a foreign-language environment, as well as the determining role of family traditions and religious practices in maintaining group solidarity. Special attention is paid to the interaction between the Hollandry and the local population, and the influence of the Stolypin migration policy

on the daily practices of settlers in the Pikhtinsky and Dagnik settlements. The research demonstrates how adaptive strategies formed a unique model of coexistence, combining selective assimilation and cultural autonomy. The results contribute to the study of migration processes, the ethnic history of Siberia, and the problems of preserving the cultural heritage of small ethnic groups.

Keywords: Holandry (Golendry), Siberian village, adaptation of migrants, ethnic identity, Irkutsk Governorate, Stolypin migration, everyday practices, cultural autonomy, verbal history, cultural heritage.

For citation

Prokopyeva A. V., Shatskaya E. A. Adaptation of the Holandry (Golendry) in a Siberian Village. *Bulletin of Buryat State University. Inner Asia Humanities Research*. 2026; 2: 5–10 (in Russ).

The article was submitted 13.05.2026; approved after reviewing 27.05.2026; accepted for publication 05.06.2026.